

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА

УДК 81:1(091)

ЖИВОЙ УГОЛОК ЛИНГВОФИЛОСОФИИ: ОБХОДНОЙ ПУТЬ «ГЕРМЕНЕВТИКИ СЕБЯ»

А.С. Абрамян

Ереванский государственный
университет

abrahamyan.ashot@yahoo.com

Мыслители разных эпох часто сопоставляли человеческий язык со звуками, издаваемыми животными. Такое обращение к животным достойно специального разбора, потому что по сути направлено на лучшее понимание человека и его языка.

С самого начала было констатировано наиболее очевидное различие звуков по наличию/отсутствию членораздельности. Однако умение некоторых птиц издавать членораздельные звуки заставило еще античных авторов обратиться к содержательной стороне членораздельной речи человека и провести разграничительную линию с учетом знаковой функции звуков.

Парадигма, составляющими которой выступают человек и животные, рассматриваемая в контексте языка, с течением времени претерпевает знаменательные изменения. В античности и в Средние века усматривается иерархическое отношение между человеком и животными с главенствующей ролью человека. В Новое время, наряду с традиционной трактовкой, появляется новый вариант соотношения: говорящая птица и человек ставятся в один ряд в рассказе Локка о разумном попугае. В начале XX века Фосслер идет еще дальше. Критерием оценки у него служит творческая способность; исходя из этого он в самом человеке замечает свойства, присущие попугаю. Однако в сконструированном таким образом «составе» человека вновь усматривается иерархия антично-средневекового образца.

Мысли, высказанные в разное время по поводу рассматриваемого сопоставления, значимы в одинаковой мере как вехи в истории идей независимо от того, имели ли они последователей или так и остались оригинальными авторскими концепциями.

Ключевые слова: членораздельный звук, человек, животное, иерархия, сознательность, подражание, творческий.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-22-30

Все мы немножко лошади.

Вл. Маяковский

С самого начала хочется предупредить, что с Мишелем Фуко эта статья никак не связана: прочитав ее, можно убедиться, что во всем тексте имя Фуко ни разу не упоминается. Единственную ассоциативно-интертекстуальную связь можно усмотреть

в словосочетании, взятом в заглавии в кавычки. Причем это кавычки без какого-либо семантического налета постмодернистского толка; это классические кавычки, указывающие на отказ от претензий на авторство и констатирующие, что данное выра-

жение уже было использовано кем-то другим. И еще: здесь имеется в виду не субъект со своим Я (о котором говорил Фуко, о котором здесь не будет промолвлено ни слова), а просто человек – человек как представитель вида. О виде и пойдет речь.

Взаимоотношения человека и представителей животного мира имеют два аспекта – практический и теоретический. Практические отношения большей частью сводятся к взаимопоеданию, с перевесом в активности сначала одной, а затем другой стороны. Что же касается теоретической оценки взаимоотношений, то нам, увы, известно мнение лишь одной из сторон. Наверное, для самоутверждения (которое легко переходит в самовозвышение) люди то и дело прибегали к сравнению себя с животными по разным признакам, обеспечивая им выигрышные позиции. Одним из оснований сравнения служил язык. При этом подчеркивались членораздельность звуков человеческого языка и одновременно – сознательная содержательность их сочетаний.

Членораздельный звук в качестве представителя мысли по праву считался и считается прерогативой человека. Сравнительно недавно экспериментально доказанное отсутствие четких и однозначных границ между звуками как по артикуляционным, так и по акустическим признакам [14, с. 35–36] в принципе не меняет дела. У древних был теоретически не совсем безупречный, но практически безоговорочно пригодный критерий распознавания членораздельных звуков: «...голос, могущий быть записанным» [12, с. 7].

Спустя почти тысячу лет Иоанн Дамаскин дал определение с той же формулировкой: «Нечленораздельный звук – тот, который не может быть записан; членораз-

дельный же – тот, который может быть записан» [5, с. 59].

В роли разграничительной линии между человеком и животным могла бы выступить разница между членораздельными звуками языка первого и нечленораздельными звуковыми сигналами второго, если бы не умение некоторых птиц повторять звуки человеческого языка. Это обстоятельство заставляет не ограничиваться самими звуками, но учитывать также их значение. Тогда уже можно провести различие не по качеству звуков, а по их знаковой функции. Имманентным человеку оказывается не столько членораздельный звук как таковой, сколько его использование в качестве носителя мысли. Составляющими картины использования членораздельных звуков становятся сознательная интенциональность, с одной стороны, и инстинктивная механистичность – с другой.

Несмотря на это, еще долгое время под «членораздельной речью» понимали только внешнюю, звуковую сторону речи. Тот факт, что членораздельно не только выражение, но и содержание речи, был осознан гораздо позже: «Общая особенность взаимодействия формы деятельности духа и артикуляции заключается в том, что сфера действия как того, так и другого делится на элементы; простое объединение этих элементов образует совокупности, которые в свою очередь стремятся превратиться в части новых совокупностей» [2, с. 85].

Согласно стоикам, «человек отличается от бессловесных животных не членораздельной речью (ибо ворона, попугай и сороки произносят членораздельные звуки), но внутренней» [8, с. 203]. Здесь, как можно видеть, членораздельность человеческой речи как-то отодвинута на задний план и не считается решающим факто-

ром; центр тяжести перенесен на внутреннюю речь, на мышление. Более детальный анализ производит Филон Александрийский: «Даже если дрозды, вороны, попугаи и тому подобные птицы и могут издавать различные звуки, они совершенно не способны произнести ни одного членораздельного слова... голоса упомянутых животных лишены значения, бесформенны и способны воспроизводить лишь форму речи, причем не в слове, а в пении» [11, с. 71]. Здесь уже обсуждаются не членораздельный звук и мысль сами по себе, а возможность установления связи между ними. На этом основании все расставляется по местам: человеку человеково, птице птицево.

В античном мировосприятии место каждого из существ строго регламентировано. Человек в этом миропорядке занимает место на ступень выше животного. Для античных мыслителей различное использование членораздельных звуков человеком и животным является еще одним подтверждением провозглашенной иерархии. Но обращение к представителям животного царства преследует и другую цель: оно служит лучшему пониманию человека. Уже в Древнем мире закладываются основы такого своеобразного описания «от противоположного»: говоря о тех качествах, которых лишено животное, мыслители этим подкрепляют свои рассуждения о человеке. Таким образом раскрывается новый путь к познанию человека: через познание *не*человека – животного.

Последовавшее за античностью Средневековье особых изменений в уже сложившуюся систему взглядов на обсуждаемую здесь проблему не вносит. Будучи лишены религиозной нагрузки и благодаря этому преспокойно пройдя как через внеш-

нее сито церкви, так и через внутренний фильтр веры, упомянутые пернатые языческого происхождения с легкостью приживаются в средневековых трактатах.

Членораздельные звуки, издаваемые животными, квалифицируются как механическое подражание человеку: «И если скажут, что и досель сороки и другие птицы разговаривают, мы скажем, что это вздор, так как подобное действие не речь, а некое подражание звуку нашего голоса; они, разумеется, пытаются подражать нам, поскольку мы издаем звуки, но не поскольку мы говорим. Поэтому, если в ответ на отчетливо сказанное слово “сорока” прозвучало бы “сорока”, это было бы лишь воспроизведением или подражанием ранее произнесенному звуку» [3, с. 271]. Или же «... попугаи, сороки и другие неразумные животные, которые подражают человеческим словам, но произносят их неправильно и не понимают, что говорят» [1, с. 175].

Видно, что концептуальный подход в основном унаследован из античности, разница лишь в нюансах. Античные авторы главным образом делали акцент на незнательном характере членораздельных звуков у животных, средневековые особо подчеркивают момент подражания. Кардинальных же изменений пока нет, переоценка ценностей начнется позже.

Наступает Новое время. Образ попугая и его трансформы первоначально выглядят так же, как раньше. Локк по этому поводу пишет: «... довольно ясному произведению членораздельных звуков можно научить попугаев и разных других птиц, которые, однако, совершенно не обладают даром речи» [7, с. 459]. Ему, как это ни странно, вторит Лейбниц: «... о попугаях и некоторых других птицах можно сказать, что они способны произносить слова, не обладая

речью; этих птиц, как и ряд других, можно выдрессировать и научить произносить достаточно отчетливые звуки, между тем они совершенно неспособны к речи» [6, с. 275]. Примечательно, что Лейбниц прибавляет к перечню произносящих слова животных собаку, правда, в единственном числе [4, с. 51]. Впервые такое умение признается не только за птицами, но и за четвероногим. Однако это расширение состава одного из ярусов иерархии, но не изменение иерархического построения.

Казалось бы, ничто не предвещало грозы. Возмутителем спокойствия выступил все тот же Локк, который как бы невзначай выводит на сцену попугая, не просто произносящего слова, но и разумно отвечающего на вопросы [7, с. 385–387]. Такое уже никак не вписывается в установившуюся веками аксиологическую систему. Казус Локкова попугая разрушает ее. Получается, что святая святых человека может быть доступна попугаю. «Венец творения» свергнут с трона, на котором он так долго восседал. Даже сама идея трона становится как бы неуместной. Отныне человек может (морально – обязан) сидеть на одной лавочке с бывшими братьями меньшими (пусть братьями, но все же меньшими), ставшими уже просто собратьями, и проговаривать вслух или хотя бы про себя: «Мы с тобой одной крови – ты и я». Иерархическая вертикаль антично-средневековой парадигмы переходит в горизонтальную эквиполентность. И фактическая достоверность истории о попугае (или отсутствие таковой) здесь не важна. Важно другое: Локк в это верит. Такая возможность в принципе допускается, так что намек на возможную излишнюю доверчивость Локка [4, с. 48] по сути ничего не меняет. Главное, что толща незыбле-

мых дотоле представлений дала трещину, и казавшаяся не вызывающей сомнений истина может быть и пересмотрена. Вот в чем суть этого рассказа о попугае. Попугай главным образом обеспечивает фальшивую историю. Но рассказ-то по сути не столько о нем, сколько о человеке. Рассказ этот значим особенно тем, что может заставить человека еще раз призадуматься о себе и о своем отношении к другим существам.

Во избежание недоразумений здесь хочется сделать методологическое отступление. К одному и тому же событию можно относиться по-разному. К примеру, парадокс Мура имеет разные значимости с точки зрения метеорологии и антропологии: если идет дождь, то метеорологу совершенно неинтересно, что об этом думает или не думает какой-то господин Мур или как его там; для исследователя же мышления важно именно то, что думает уважаемый господин Мур, весь диапазон того, что он вообще может подумать. Факт интеллектуальной жизни может быть рассмотрен и оценен двояко: как факт сам по себе и по следу, оставленному им в истории мысли. В первом случае достаточно наличия факта как такового; во втором случае важным становится повторение факта, преемственная связь с данным фактом дальнейших проявлений мысли. Тем и отличаются история идей и история науки. Историю науки интересуют факты, имевшие продолжение, дальнейшее развитие или хотя бы применение. Для истории идей любая идея – это свершившийся факт. Историк идей чем-то напоминает палеонтолога, для которого ценность найденной части скелета не уменьшается от того, что данная особь не дала потомства или данный вид вымер. Нас здесь интересуют идеи, которые были выдвинуты, инте-

ресует сам факт появления этих идей, сама возможность их появления. Каждый такой факт выступает как точка отсчета для ретроспективного рассмотрения и выяснения того, чем данная идея похожа на существовавшие ранее и что в ней нового. Проспективная оценка этих фактов по их дальнейшей судьбе – дело внешней истории науки. История наук изобилует примерами ситуаций, в которых лавры первенства достаются не тому, кто раньше пришел к идее, а тому, кто раньше озвучил ее во всеулышание. Удел Раска – ходить в истории сравнительно-исторического языкознания под вторым номером, и все оттого, что его книга была издана двумя годами позже книги Боппа, хотя была написана двумя годами раньше нее [15, 16]. В этом отношении Пирсу повезло чуть больше: в причастности к зарождению семиотики ему обычно не отказывают, несмотря на то что его работы вначале были малоизвестны среди европейских гуманитариев, для которых главным идейным вдохновителем семиологических изысканий был Соссюр. По поводу отличия распространения идеи от самой идеи стоит также вспомнить историю техники, в которой изобретения датируются именно моментом изобретения, а не началом серийного производства.

...Ход мыслей Локка нельзя назвать абсолютно беспрецедентным. Прецедент был, но в довольно смягченной форме. Еще Варрон высказал такую мысль: «Ведь подобно тому, как изображение человека не является человеком, точно так же у воронов, ворон и маленьких детей (которые только начинают говорить) слова – это еще не [настоящие] слова, ибо они не говорят [осмысленно]» [10, с. 75]. Позволив себе перечисление животных и людей в одном ряду (причем в ряду не людей, а животных),

Варрон говорит не о людях вообще, а только о детях; сомнений в том, что с возрастом их сознательность обязательно проявится, у него нет. Следовательно, об уравнивании коммуникативного поведения человека и животного речь не идет.

Позднее, уже после Локка, подобную мысль высказывает Шлейхер, но он, во-первых, говорит лишь о некоторых элементах, выступающих в речи, но не в языке; во-вторых, говорит не о тождестве, а о «приближении»: «Эти звуки, выражающие чувство и волю непосредственно, – не слова, не элементы языка, но приближающиеся к животным крикам звуковые жесты, которые мы употребляем наряду с языком. Они в большей степени свойственны инстинктивному человеку (ребенку, необразованному или охваченному болезненными чувствами и аффектами человеку), нежели человеку образованному и находящемуся в спокойных условиях культурных форм жизни. Эти звуки не имеют ни функции, ни форм слова, они находятся ниже языка» [13, с. 110]. Все, что можно сравнить с животным криком, Шлейхер оставляет за пределами языка, таким образом сохранив незапятнанной честь и достоинство человека и его языка.

Несколько иначе, чем у Варрона, были расставлены акценты у Роджера Бэкона: «Но поскольку мы не знаем правильного написания и произношения [этих слов], а также смысла многих из них, то мы отклоняемся от истины и в пении псалмов во время богослужения. Ибо мы говорим, как попугаи, сороки и другие неразумные животные...» [1, с. 175]. Несознательное использование языка человеком здесь тоже фрагментарно: оно уже отделено от сознательного возраста, но ни в коем случае не считается нормой, наоборот, относится

к отдельным ситуациям, ставится в укор поступающим таким образом и представлено как отклонение от желаемого положения, от подобающего человеку поведения. Бэкону, как и Локку, еще очень далеко до того, что скажет в самом начале XX века Фосслер.

До Фосслера попугай ставился ниже человека или рядом с ним, но всегда ему и человеку были отведены свои места. Фосслер же помещает попугая внутри человека: «Воспроизводить чью-то речь – дело попугаев. Именно поэтому у них нет стиля, нет языкового центра. Они представляют собой, так сказать, персонифицированное языковое установление, чистую пассивность; они воспроизводят речь, но не способны пользоваться ею творчески. Нечто от попугая, правда, скрывается в каждом человеке: это дефицит, или пассив, в нашей языковой одаренности, а следовательно, отнюдь не нечто положительное, существенное» [9, с. 330].

Стержнем рассуждений у Фосслера выступает творческое начало. Человек и попугай различаются уже по способности к творчеству. Языковая способность человека приравнена к творческой способности. Однако, понятно, что язык в своей истории и в своем использовании не может состоять из одних лишь творческих моментов. Человек производит также повторение сотворенного другими, а это означает – действует так же, как попугай. Вот и получается, что если попугай не идет к человеку, то человек идет к попугаю.

Круг замкнулся. Попугай, поначалу такой далекий и безобидный, затем занявший место рядом с высшим из существ, вдруг оказывается внутренне родственным ему до того, что находит себе место внутри него. На самом деле все это происходит не с по-

пугаем, а с человеком. Это человек считал его далеким и безобидным. Это человек поместил его рядом с собой. Это человек почувствовал внутреннее родство с ним до такой степени, что обнаружил его в себе самом. Человеческое самолежание приходит к концу. Впредь все нелестное, что будет сказано о попугаях, будет сказано отчасти и о людях.

Но время Фосслера проходит. В лингвистике наступает новая эра. Ученые мужи приходят к мнению, что их ждут дела поважнее и посерьезнее, чем попытки самопознания путем вглядывания в зеркало языка. Ставятся иные вопросы, даются иные ответы. Язык как целостное образование перестает интриговать лингвистику, несмотря на призыв Фердинанда Предечи исследовать языковую систему. Языковой знак безвозвратно разделяется на означаемое и означающее. Сначала производится раздробление означающего (этим усердно занимается структурализм), затем – распыление означаемого (к этой цели стремится постструктурализм). Что же касается попугая, то этот персонаж, считаясь окончательно изученным, перекочевывает из научных штудий в учебники по языкознанию, причем в антично-средневековой трактовке, со стыдливим замалчиванием болезненных ударов по человеческому самолюбию, нанесенных Локком и особенно Фосслером.

Теория Фосслера примечательна еще и тем, что в ней уже эксплицитно выражена ориентированность на человека, ранее лишь проглядывающая сквозь слова о животных. Называть человека хотя бы частично попугаем – не меньшая смелость, чем называть короля хотя бы частично голым. Смелость эта заключается в искренности, и в первую очередь – перед самим со-

бой. Ведь говорить о человеке значит говорить в том числе и о себе.

Однако, приглядываясь внимательнее к тому, что говорит Фосслер, можно заметить, что то, что выше было названо замкнувшимся кругом, на самом деле есть виток спирали. Попугай и человек в составе человека неравноценны. Между частями организации человека опять-таки устанавливается иерархическая связь наподобие той, которую признавали в античности и в Средние века. В отличие от Локка, Фосслер не устраняет иерархию, он переводит ее внутрь человека. Микрокосм по Фосслеру образуется согласно древней макрокосмической модели. Так что попугаю не стоит радоваться: он опять низвергнут на низшую ступень; изменилось только место действия. Но не против попугая выступает Фосслер, а против попугая в человеке, а значит – за человека в человеке, за Homo Creator в каждом homo loquens.

Взаимоотношение фосслеровских человека и попугая в человеке – это взаимоотношение человека творчески-индивидуального и человека социального. Симпатии Фосслера на стороне первого. Однако общество требует также повторений, называемых правилами, и от этого Фосслеру никуда не уйти.

Пожалуй, можно было бы по этому поводу процитировать Фуко, например, привести такое его замечание: «...Когда я совершенно напрасно полагаю, что говорю что-то новое, я тем не менее на самом деле осознаю, что в высказываемом мною задействованы правила, причем правила не только лингвистические, но и эпистемологические, те, которые и определяют черты современного знания», и дать ссылку: «М. Фуко. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. М.: Праксис, 2002, с. 102». Однако мы не будем

этого делать, дабы не нарушить обещания «забыть Фуко», данного в начале.

Литература

1. Бэкон Р. Большое сочинение // Бэкон Р. Избранное: пер. с лат. – М.: Издательство Францисканцев, 2005. – С. 39–413.
2. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – С. 34–298.
3. Данте А. О народном красноречии // Данте А. Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 270–304.
4. Донских О.А. Происхождение языка как философская проблема. – Новосибирск: Наука, 1984. – 128 с.
5. Иоанн Дамаскин. Источник знания. – М.: Индрик, 2002. – 416 с.
6. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – С. 47–545.
7. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 1. – С. 76–582.
8. Секст Эмпирик. Против ученых. Кн. VIII // Секст Эмпирик. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 151–243.
9. Фосслер К. Позитивизм и идеализм в языкознании // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 324–335.
10. Фрагменты ранних стоиков. Т. 2, ч. 1. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1999. – 280 с.
11. Фрагменты ранних стоиков. Т. 2, ч. 2. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2002. – 272 с.
12. Фрагменты ранних стоиков. Т. 3, ч. 2. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2010. – 270 с.
13. Шлейхер А. Немецкий язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 110–116.

14. Якобсон Р. Звук и значение // Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 30–91.

15. Ворт Ф. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und ger-

manischen Sprache. – Frankfurt am Main: Andreäischen Buchhandlung, 1816. – xxxvii, 312 p.

16. Раск R.K. Undersögelse om det gamle Nordiske eller Islandske sprogs oprindelse. – Kjöbenhavn: Gyldendal, 1818. – xii, 312 p.

PETS' CORNER OF LINGUISTIC PHILOSOPHY: THE ALTERNATIVE ROUTE OF “HERMENEUTICS OF SELF”

A.S. Abraamyan

Yerevan state University

abrahamyan.ashot@yahoo.com

In various epochs, the peculiarities of human language were described in comparison with sounds made by animals. Such recourse to animals deserves special analysis, since, in essence, it is directed at a better understanding of man and human language. All the thoughts expressed in connection with this are equally important, as landmarks in the history of ideas, irrespective of the fact whether they had followers or remained as author's original concepts.

The *man-animal* paradigm, studied in the context of language, undergoes significant changes with the passage of time. In antiquity and in the Middle Ages a hierarchical attitude with the prior role of the man was established. In the modern era, alongside with the traditional interpretation, a version of correlation emerges: the talking bird and the man are placed on the same rank in the story about a cognitive parrot mentioned by Locke. In the beginning of the 20th century Vossler goes even further. Creative ability serves as an evaluation criterion for him; proceeding from this he observes in man features characteristic of the parrot. However, in the structure of man conceived this way, the hierarchy of antique-medieval model is observed again.

Keywords: articulate sound, man, animal, hierarchy, consciousness, imitation, creative.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.2-22-30

References

1. Bacon R. Bol'shoe sochinenie (Opus maius) [Greater Work]. Bacon R. *Izbrannoe* [Selected writings]. Translated from Latin. Moscow, Izdatel'stvo Franciskancev Publ., 2005, pp. 39–413. (In Russian)

2. Humboldt W. von. O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniu na dukhovnoe razvitie chelovechestva (Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts) [On language: on the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species]. Hum-

boldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on linguistics]. Translated from German. Moscow, Progress Publ., 1984, pp. 34–298. (In Russian)

3. Dante A. O narodnom krasnorechii (De vulgari eloquentia) [On eloquence in the vernacular]. Dante A. *Malye proizvedeniya* [Smaller works]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 270–304. (In Russian)

4. Donskikh O.A. *Proiskhozhdienie yazyka kak filosofskaya problema* [Origin of language as a philosophical problem]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 128 p.

5. Ioann Damaskin. *Istochnik znanija* [Fountain of knowledge]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 416 p.
6. Leibniz G.W. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii* (Nouveaux essais sur l'entendement humain) [New essays on Human understanding]. Leibniz G.W. *Sochineniya*: v 4 t. T. 4 [Writings. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983, pp. 47–545. (In Russian)
7. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An essay concerning human understanding]. Locke J. *Sochineniya*. V 3 t. T. 1 [Writings. In 3 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, pp. 76–582. (In Russian)
8. *Sekst Empirik. Protiv uchenykh*. Kn. VIII [Against the professors. Bk. VIII]. *Sekst Empirik. Sochineniya*. V 2 t. T. 1 [Sextus Empiricus. Writings. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, pp. 151–243.
9. Vossler K. *Pozitivizm i idealizm v yazykoznanii* (Positivismus und idealismus in der sprachwissenschaft) [Positivism and idealism in linguistics]. Zvegintsev V.A. *Istorija yazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Ch. 1 [History of 19–20 century linguistics in essays and extracts. Pt. 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, pp. 324–335. (In Russian)
10. *Fragmenty rannikh stoikov*. T. 2, ch. 1 [Fragments of the early stoics. Vol. 2, pt. 1]. Moscow, Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum Publ., 1999. 280 p. (In Russian)
11. *Fragmenty rannikh stoikov*. T. 2, ch. 2 [Fragments of the early stoics. Vol. 2, pt. 2]. Moscow, Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum Publ., 2002. 272 p. (In Russian)
12. *Fragmenty rannikh stoikov*. T. 3, ch. 2 [Fragments of the early stoics. Vol. 3, pt. 2]. Moscow, Yuriy Shichalin's Museum Graeco-Latinum Publ., 2010. 270 p. (In Russian)
13. Schleicher A. *Nemetskii yazyk* (Die Deutsche sprache) [German language]. Zvegintsev V.A. *Istorija yazykoznanija XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Ch. 1 [History of 19–20 century linguistics in essays and extracts. Pt. 1]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, pp. 110–116. (In Russian)
14. Jacobson R. *Zvuk i znachenie* (Six leçons sur le son et le sens) [Six lectures on sound and meaning]. Jacobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 30–91. (In Russian)
15. Bopp F. *Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache* [On the conjugational system of the sanskrit language in comparison with that of Greek, Latin, Persian and the Germanic languages]. Frankfurt am Main, Andreäischen Buchhandlung, 1816. xxxvi, 312 p.
16. Rask R.K. *Undersøgelse om det gamle Nordiske eller Islandske sprogs oprindelse*. [Essay on the origin of the ancient norse or icelandic tongue]. Kjöbenhavn, Gyldendal, 1818. xii, 312 p.